

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Мазурова Елена Кирилловна¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

ГЛОБАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОНОМИКИ: СОВРЕМЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ

В данной статье рассматривается современная система международного регулирования глобальных экономических процессов, анализируются теоретические подходы к международному управлению глобальной экономикой, дается оценка механизмов международного регулирования в увязке со структурным реформированием национальных хозяйств в посткризисный период таких многосторонних институтов международного регулирования, как МВФ, ВТО, «Большая восьмерка», «Большая двадцатка», а также рассматриваются перспективы развития смешанных (государственных и негосударственных) механизмов регулирования.

Ключевые слова: международное регулирование глобальной экономики, институты и механизмы регулирования.

GLOBAL REGULATION OF ECONOMY: MODERN POTENTIAL AND THE POSSIBILITY OF TRANSFORMATION

This article discusses the modern system of international regulation of global economic processes. It examines theoretical approaches to the international governance of the global economy and assesses the international regulation mechanisms of such global institutions as the IMF, WTO, G-8 and G-20 in conjunction with structural reforms of national economies in the post-crisis period. The article also analyses development prospects of the mixed (national and non-national) mechanisms of regulation.

Key words: the international regulation of global economic, mechanisms and institutes of regulation.

¹ Доктор экономических наук, профессор экономического факультета; e-mail: mazurovae@me.com

Нестабильное состояние мировой экономики в посткризисный период в который раз привлекает внимание представителей различных научных школ и практиков к проблеме управления глобальными экономическими процессами. На повестке дня остро стоит вопрос о возможностях и пределах участия уже существующих международных институтов в регулировании мирохозяйственных связей, необходимости их модернизации или неизбежности создания новых структур глобального управления, способных минимизировать негативное воздействие глобализации и обеспечить стабильность мировой экономической системы. Дискуссии вокруг создания новой модели управления разворачиваются на страницах научных изданий и многочисленных международных площадках, на которых в качестве объектов глобального регулирования выступают проблемы обеспечения устойчивого роста, стабильности мировой финансовой системы и финансирования развития, регулирования торговли и инвестиций, устойчивости сырьевых рынков и ряд других вопросов.

Современная система регулирования мирохозяйственных связей, окончательно сформировавшаяся к концу прошлого века, состоит из различных элементов, имеет определенную структуру, цели и общие характеристики: динамичность, взаимодействие и координацию с субъектами других подсистем, коммуникативность и информационность.

В основе регулирования лежит система организационно-правовых форм и методов воздействия теми или иными международными (межгосударственными, надгосударственными, негосударственными) субъектами и инструментами на объекты международных экономических отношений. Суть такого глобального регулирования сводится к ликвидации диспропорций развития отдельных элементов системы, а эффективность, несомненно, зависит от согласованности действий всех субъектов мирового хозяйства.

Современный механизм регулирования имеет многоуровневый характер, т.е. осуществляется на национальном, региональном, транснациональном и глобальном уровнях, и используется различными типами субъектов: национальными государствами и их интеграционными объединениями, международными организациями, транснациональными структурами и многочисленными субъектами гражданского общества. Государственные механизмы управления связаны с деятельностью национальных правительств, заключением международных соглашений и принятием решений на уровне международных организаций. Негосударственные механизмы ре-

гулирования представлены неправительственными организациями и транснациональными структурами, которые лишь косвенным образом могут участвовать в принятии решений (посредством экспертизы, лоббирования или формирования общественного мнения), однако обладают тем не менее высоким потенциалом в области разработки предложений по целому ряду проблем.

Многообразие субъектов и наличие у них столь же многообразных экономических интересов и инструментов регулирования предполагают согласование их деятельности с другими участниками. Таким образом, формирование повестки дня и определение приоритетных направлений регулирования, разработка и принятие новых правил, мониторинг за их исполнением, выработка более эффективных механизмов нахождения компромиссов по ключевым противоречиям развития становятся ареной международного взаимодействия государственных и негосударственных субъектов экономики. Их партнерство способно вывести глобальное управление на качественно новый уровень.

Вместе с тем существующая глобальная инфраструктура международного взаимодействия весьма подвижна и развивается достаточно асимметрично. По мере устранения диспропорций и неравномерностей экономического развития отдельных стран и регионов и мировой экономики в целом в рамках системы не только складывается новая расстановка сил, формируются новые центры принятия мирохозяйственных решений, но и усиливаются противоречия между ними. Все это не может не сказаться на характере механизмов регулирования мирохозяйственных связей, среди которых появляются альтернативные механизмы регулирования сходных международных отношений и альтернативные институты в рамках уже сложившихся инструментов регулирования. Таким образом, наблюдаются два встречных процесса: под воздействием внешних эффектов происходит изменение механизмов, которое, в свою очередь, трансформирует саму систему.

Подобные трансформации уже не раз происходили в истории. Так, глобальные кризисы прошлого века всегда завершались формированием новой доминирующей экономической доктрины, а выход из кризиса предполагал появление новой модели регулирования экономики. Примерами могут служить резкий рост дирижизма после Великой депрессии в середине XX в. и доминирование неоллиберальной концепции регулирования в конце XX в. Современный экономический кризис, несомненно, дает значительный материал для активизации научных исследований, в ходе реализации кото-

рых уже происходит переосмысление сложившегося понятийного аппарата и концептуальных основ теории регулирования глобальной экономики, создаются контуры новой теории управления глобальными процессами.

Сегодня с уверенностью можно говорить о многообразии взглядов и подходов представителей различных научных школ и течений к природе международного регулирования мирохозяйственных связей. В различные периоды времени были разработаны разнообразные теоретические подходы, которые внесли весомый вклад в теорию управления мировой экономикой. Среди них можно выделить нормативистский, структурно-функциональный, федералистский, регионалистский и глобалистский подходы, положения которых, в том или ином виде, легли в основу деятельности современных международных экономических организаций.

Развитие глобальных процессов, череда локальных, региональных и мировых кризисов внесли коррективы в представления об эффективности существующей модели управления, актуализировали теоретические исследования в области международного регулирования глобальной экономики. Представители различных школ и научных направлений пытаются сегодня предложить некий комплексный подход к модели глобального управления с учетом наработок альтернативных теорий и на его основе выработать новый механизм регулирования, устраивающий большинство его участников.

Сформировавшиеся до настоящего времени представления о возможной организации глобального управления мирохозяйственными связями фактически сводятся к поиску наиболее эффективных пропорций участия государственных, международных и негосударственных структур и институтов в уже существующих моделях глобального управления.

Сторонники государственной модели регулирования вновь возвращаются к концепции мирового (глобального) правительства по образу и подобию структуры национального государства, воспроизведенной на международном уровне. Теория гегемонической стабильности (Ч. Киндлбергер, Р. Гилпин) [Kindleberger, 1973; Gilpin, 2001] связывает стабильность развития международных отношений, соблюдение норм и правил с наличием государства-лидера, способного создать наиболее благоприятные условия для развития либеральной модели экономики и быть своеобразным гарантом стабильности и безопасности при помощи убеждения или принуждения государств к сотрудничеству. Теория международных режимов, предложенная представителями новой институциональной эконо-

мической теории С. Краснером, Р. Кеохейном, Дж. Наем [Krasner, 2001; Keohane, Nye, 2000], трактует первостепенную роль государств в создании международных режимов (например, режима международной торговли ГАТТ/ВТО) на основе общих принципов, норм и правил. Соблюдение сформулированных подобным образом «правил игры» позволяет государствам получать совместные выгоды от международного сотрудничества, способствует формированию так называемой «комплексной взаимозависимости».

Более современное направление научным исследованиям дают работы сторонников концепции полицентрического глобального управления, отдающие предпочтение смешанным формам и механизмам сотрудничества (теория структурной власти С. Стрейндж) [Стрендж, 2002]. Международное управление должны осуществлять не только государства и созданные ими международные организации. Согласно теоретическим установкам, роль государства в международном регулировании глобальных экономических процессов должна снижаться, уступая место негосударственным структурам и институтам, таким как ТНК и субъекты гражданского общества.

В основе таких рассуждений лежит всевозрастающая активность негосударственных субъектов, со стороны которых идет мощный поток инновационных предложений в области рыночного регулирования и которые, зачастую, являются своеобразными экспериментальными площадками для их апробации и использования на межгосударственном уровне. Подобная активность негосударственных субъектов дала толчок развитию постлиберальной теории, в основе которой лежит транснациональный подход к анализу механизмов регулирования глобальной экономики. С точки зрения сторонников теории (Д. Розенау) [Rosenau, 1990], размывание границ между государственными и негосударственными институтами должно привести к переходу управленческих полномочий в отдельных сферах экономики от государства к негосударственным регуляторам.

Особого внимания заслуживают исследования в области международного регулирования сторонников теории транзакционных издержек [Григорьев, Курдин, 2013], которые предпринимают попытки систематизации предложенных ранее механизмов глобального регулирования на основе характера международного распределения прав собственности, механизмов управления транзакциями, распределения издержек и ответственности за принятие решений между государственными, коммерческими и гражданскими институтами. Подобная постановка проблемы, без сомнения, заслуживает серьезного анализа, даже несмотря на кажущуюся утопичность соз-

дания оптимального международного механизма управления транзакциями.

Таким образом, благодаря новым теоретическим разработкам продолжается поиск международных инструментов управления глобальными процессами, адекватных современным реалиям. По мере нарастания скептицизма в отношении доминирующей сегодня неолиберальной доктрины увеличивается и спрос на подобные научные исследования.

Вместе с тем в сфере практической деятельности участие неформальных институтов в глобальном управлении пока весьма незначительно. Приоритетную роль в системе международного регулирования сегодня играют государства, международные организации и неформальные институты, которые по мере необходимости формируют смешанные механизмы управления. И именно здесь наиболее ярко проявляются изъяны и болевые точки современной модели глобального регулирования.

При всей значимости происходящих в международном регулировании трансформаций можно констатировать, что на протяжении последних двух десятилетий ответная реакция международных экономических организаций на ряд глобальных вызовов не всегда была адекватной. В кризисных ситуациях они зачастую принимали такие меры, которые способствовали не только расширению кризиса, но и его быстрому распространению с одной страны на другую. Эффективность большинства международных институтов оставалась незначительной в силу ограниченности финансовых ресурсов, различий в идеологических и политических установках, несовпадения интересов, использования фрагментарного подхода при решении сложнейших социально-экономических проблем. В первую очередь это касается деятельности Международного валютного фонда и Всемирной торговой организации, отвечающих за обеспечение стабильности мировой финансовой, валютной и торговой систем.

Финансовые кризисы последних полутора-двух десятилетий продемонстрировали весьма низкую способность МВФ не только прогнозировать и предупреждать их возникновение, но и оперативно регулировать возникающую впоследствии нестабильность финансовых рынков. Разработка фондом новых механизмов неизменно отстает от процессов финансовой глобализации, напоминая скорее косметический ремонт, чем предложение инновационных решений. Рецепты МВФ по борьбе с кризисными проявлениями, реформированию экономик стран-заемщиков и поддержанию макроэкономической стабильности все так же сводятся к выполне-

нию стандартного набора требований в области кредитно-денежной и бюджетно-налоговой политики, которые не только не создают стимулов для развития, но зачастую наносят их экономике ощутимый вред. Кредитование в обмен на выполнение макроэкономических стабилизационных программ в целом не вызывает возражений. Однако количество и содержание этих требований, возникающая при этом излишне высокая степень контроля МВФ над экономической политикой заемщика вступают в противоречие с его неспособностью добиваться выполнения условий антикризисных программ. Произошедшее в последние несколько лет частичное сокращение набора требований обусловленного кредитования до сих пор не привело к сколько-нибудь заметному повышению эффективности их применения.

Тормозится создание системы раннего предупреждения финансовых кризисов и разработка мер экономической политики по снижению рисков их возникновения, которая, по мнению многих аналитиков, считается важнейшим звеном совместной работы МВФ и Совета по финансовой стабильности (СФС). Согласно рекомендациям «Большой двадцатки», МВФ должен играть ведущую роль в анализе рисков, способных оказать негативное влияние на мировую экономику, а СФС, в котором представлены специалисты и руководители агентств финансового надзора и ЦБ стран-членов, — в вопросах регулирования и надзора. Поскольку важнейшим противоречием финансового регулирования в настоящее время выступает конфликт между глобальным характером финансов и национальными рамками регулирования, создание системы раннего предупреждения должно предотвратить растущую глобальную «финансовую фрагментарность», преодолеть несогласованность подходов в вопросах регулирования и надзора, применяемых различными странами. Однако, согласно годовому отчету МВФ за 2014 г., сделать это до сих пор так и не удалось.

Не удалась и попытка кардинального реформирования самого МВФ, его превращения в глобальный антикризисный штаб. По сути, дело свелось лишь к попыткам частичного усовершенствования структуры управления. Для этого еще в 2010 г. на саммите «Группы 20» было принято решение о перераспределении квот среди стран-акционеров и увеличении объема ресурсов до \$739 млрд. Это помогло бы изменить механизм стратегического планирования фонда путем усиления роли новых экономических «игроков» — стран с быстроразвивающимися рынками. Так, например, значительно увеличились бы квоты таких стран, как Турция и Южная

Корея, а Китай стал третьим крупнейшим акционером МВФ с квотой в 6,39%. В десятку стран с самым большим числом голосов должны были войти Россия, Индия и Бразилия, а их совокупная квота увеличиться до 14,18%. Однако, несмотря на настойчивые требования стран БРИКС, потративших на рефинансирование МВФ за прошедшие пять лет миллиарды долларов, соглашение так и не ратифицировано Конгрессом США. Доля США в уставном капитале сегодня составляет 17,69%, что дает им 16,75% голосов и возможность блокировать любое стратегическое решение по ключевым вопросам, касающимся структуры, финансирования или перераспределения квот. США не идут ни на какие компромиссы, ущемляющие их лидирующее положение в МВФ. В результате возникла тупиковая ситуация, которая не привела ни к реальному изменению принципов работы, ни к усилению репутации МВФ в глазах акционеров из развивающихся стран, в интересах которых и затевалась реформа. Следствием этого может стать серьезное ослабление многостороннего финансового регулирования, усиление двухстороннего и иных путей преодоления глобальных проблем.

Не лучше обстоят дела в ВТО. Эта организация возникла в 1995 г. на пике глобализации и была призвана проводить в жизнь основополагающие установки неолиберальной доктрины, максимально упрощать систему международной торговли при помощи общих для всех членов организации норм и правил. Однако почти двадцать лет функционирования ВТО показали нарастание разногласий между ее участниками по ряду принципиальных вопросов и привели ее на грань кризиса. Настойчивое желание развитых стран расширить сферы деятельности организации входит в острое противоречие с позицией развивающихся государств, требующих в первую очередь выполнения решений Уругвайского раунда.

Противоречия, впрочем, не исчерпываются полемикой между различными группами стран. В условиях экономического кризиса и ухудшающейся мировой конъюнктуры большинство стран неминуемо начинает защищать свои внутренние рынки с помощью протекционистских мер, введение которых организация не в состоянии контролировать. Наряду с усилением протекционизма и в противовес либеральным установкам ВТО происходит создание новых региональных рынков через интеграцию ранее слабо ориентированных друг на друга национальных экономик.

Увеличиваются разногласия, и продолжается острая борьба за корректировку правовой системы ВТО, многие постулаты и правила которой уже существенно отстают от реальной жизни. Огра-

ниченное участие развивающихся стран в разработке действующего механизма регулирования торговли ставит их в невыгодное положение по отношению к другим участникам и дискредитирует саму систему многосторонней торговли. Развивающиеся страны нуждаются в разработке новых механизмов, которые помогли бы им защититься от макроэкономических ошибок и упущений в регулировании, допускаемых развитыми государствами. Кроме того, многие соглашения содержат обязательства, ограничивающие способность развивающихся стран противостоять кризисам посредством введения соответствующего антикризисного регулирования, проведения необходимых структурных и макроэкономических реформ. Это позволяет многим экономистам говорить о пересмотре всех ныне действующих соглашений ВТО с точки зрения их соответствия потребностям международно-правового регулирования, способного предотвращать кризисы и содержащего механизмы антициклического и пруденциального контроля, стимулирующего развитие [Стиглиц, 2012]. Без подобных изменений под вопрос может быть поставлена не только жизнеспособность самой организации, но и запущен в обозримом будущем механизм деглобализации международных торговых отношений.

Наиболее масштабные перечисленные противоречия проявились в ходе Дохийского раунда переговоров, начавшегося 13 лет назад и постоянно балансирующего на грани срыва. Его изначальной целью помимо дальнейшей либерализации торговли было усиление глобального экономического роста и оказание помощи беднейшим государствам, разработка и принятие новых многосторонних соглашений. Однако в скором времени акценты сместились на решение менее амбициозных вопросов. В центре внимания оказались проблемы, связанные с мощной поддержкой национальных производителей сельхозпродукции со стороны развитых стран. Камнем преткновения на переговорах стали вопросы сокращения субсидирования сельскохозяйственной отрасли, уменьшение таможенных пошлин ЕС, открытие рынков развивающихся стран для промышленной продукции из развитых государств. Раунд фактически превратился в бесконечный торг между развитыми и развивающимися странами о доступе на рынки промышленных товаров. За 13 лет сблизить позиции и договориться об условиях доступа к внутренним рынкам друг друга так и не удалось. Не говоря уже о выработке хотя бы одного нового многостороннего соглашения.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса и посткризисного развития большие надежды в создании новых механиз-

мов глобального регулирования возлагались на неформальные международные институты, такие как «Большая восьмерка» и «Большая двадцатка». Они фактически образуют неофициальное ядро важнейших международных организаций (МВФ, Всемирный банк, ВТО), следовательно, могут относительно свободно проводить через них решения саммитов, иницилируя в случае необходимости созыв специальных многосторонних форумов.

Роль лидера в системе управления мировой финансовой системой вполне закономерно взяла на себя «Группа 20», в которую помимо «восьмерки» входят и другие ведущие экономики мира из числа развитых и развивающихся. Казалось, что именно это могло обеспечить возможность учета гораздо более широкого круга интересов и мнений, чем в «Группе 8». Наряду с обладанием мощными финансовыми и экспертными ресурсами, необходимыми для решения глобальных экономических проблем, эти страны готовы были брать на себя ответственность за разработку и реализацию принятых решений. А подключение к работе саммитов «двадцатки» глав государств должно было повысить представительский уровень и улучшить качество принимаемых решений.

Однако оказалось, что формат «двадцатки» также малоприспособлен для этих целей. Результаты саммитов продемонстрировали не только наличие существенных разногласий между участниками при обсуждении общей идеологической платформы реформирования мировой финансовой системы, но и их нежелание выполнять совместно разработанные антикризисные меры на национальном уровне. Так, обязательства стран-участниц воздерживаться от введения новых барьеров для внешней торговли и инвестиций практически сразу были нарушены рядом стран. Несмотря на принятые решения, не произошло и перераспределения части голосов в пользу развивающихся государств в МВФ и Всемирном банке за счет пересмотра квот. Фактически не увеличен капитал крупнейших международных банков развития. Список тактических неудач можно продолжать и дальше, что дает повод многим исследователям считать «двадцатку» малоприспособленной для принятия конкретных, практически значимых решений.

Вместе с тем не стоит сбрасывать со счетов возможности использования форматов «восьмерки» и «двадцатки» в качестве общей платформы по выработке новых механизмов управления глобальными процессами. В создавшейся ситуации для этого существуют все необходимые предпосылки. Недостаток легитимности «Большой восьмерки» (ограниченное число участников, невозмож-

ность распространения принятых решений на большинство стран) и ограничение дееспособности «Большой двадцатки» могут компенсироваться их совместной работой по регулированию глобальной финансовой системы, но с разграничением полномочий. Первый из институтов может заниматься первоначальной экспертной проработкой и инициировать решения, связанные с международным финансовым регулированием, второй – их согласованием и корректировкой на более представительном уровне [Афонцев, 2010].

Несмотря на усиление в период глобального финансово-экономического кризиса вмешательства государства и международных организаций в антикризисное регулирование, можно рассматривать этот кризис как катализатор процесса дальнейшего формирования смешанных механизмов управления глобальными процессами. В создавшихся условиях следует активнее стимулировать партнерство международных государственных и негосударственных субъектов (неправительственных организаций, независимых экспертных сообществ, социальных и экологических движений), поскольку именно смешанные механизмы позволяют учитывать интересы более широкого круга участников, дают более реалистичную и полную картину происходящих в мировой экономике процессов.

Многие международные экономические институты рассматривают сотрудничество с негосударственными субъектами в качестве одного из наиболее эффективных инструментов реализации своих уставных целей и поэтому сами участвуют в формировании смешанных механизмов. Наиболее активны в этой области различные специализированные структуры — ООН, ВТО, Всемирный банк и в меньшей степени МВФ. Эти международные институты привлекают негосударственные организации к обсуждению глобальных политических и экономических проблем в рамках многочисленных международных форумов, проводят консультации, встречи и семинары, представители гражданского общества имеют возможность публиковать свои исследования в официальных международных источниках, участвовать в ежегодном форуме «Политика в отношении гражданского общества» [Крылов, 2012]. Благодаря этому потенциал воздействия негосударственных институтов на формирование новых механизмов международного регулирования в последнее десятилетие постоянно возрастает. Было бы неразумно не использовать возможности таких международных неправительственных организаций, как Международная торговая палата или Всемирный совет деловых кругов, потенциал международных дискуссионных

площадок Всемирного экономического форума, программы сотрудничества Всемирного банка с неправительственными организациями и других институтов, занимающихся проблемами глобального устойчивого развития. Однако отсутствие четких и прозрачных правил взаимодействия государственных и негосударственных субъектов основательно тормозит формирование более эффективной системы глобального регулирования. Для более эффективного сотрудничества целесообразно было бы внести изменения в правовую основу деятельности и уставы международных экономических организаций, что позволит привлекать институты гражданского общества не только к обсуждению приоритетных направлений глобального управления, но и к разработке решений и, главное, осуществлению контроля за их исполнением. Создание таких правил имеет первостепенное значение.

Вместе с тем в современных условиях продолжается поиск новых форматов взаимодействия и координации всех участников, все отчетливее формируется запрос на институты глобального управления «нового типа», способные надлежащим образом контролировать и регулировать глобальные процессы, согласовывать принципы управления между национальными регуляторами, не ограничивая при этом их суверенитет. Несомненно, и аналитики и практики признают, что ныне действующие институты уже не только разрабатывают, но и внедряют в практику международного регулирования новые механизмы, способные создать дополнительный запас прочности глобальной экономической системе, предпринимают определенные меры, направленные на управление новыми кризисами (в первую очередь финансовыми). Однако скептицизм в отношении эффективности этих мер отнюдь не снижается.

По мнению многих исследователей, деятельность «большой тройки» глобальных регуляторов (МВФ, ВБ и ВТО) не отвечает требованиям и интересам «растущих рынков». Развивающиеся страны уже давно обсуждают создание альтернативного МВФ международного института регулирования финансового сектора. Не добившись реформы МВФ, страны БРИКС создают Новый банк развития (НБР) для обретения большей независимости от нынешних международных финансовых институтов. Предполагается, что доля Китая в уставном капитале фонда составит \$41 млрд, Бразилия, Россия и Индия внесут по \$18 млрд, а ЮАР — \$5 млрд. Есть достаточно обоснованные предложения по учреждению еще одного международного органа регулирования — Совета по антикризисному управлению [Андропова, 2014].

Определяющим элементом в рассуждениях некоторых аналитиков становятся проблемы надзора и экономической координации действий различных субъектов мирового хозяйства, неизбежность которых становится все более очевидной. Так, комиссия международных финансовых экспертов ООН во главе с Нобелевским лауреатом Дж. Стиглицем пришла к выводу о том, что сегодня существует уникальная возможность провести реформу глобального управления экономикой, составной частью которой может стать создание нового института – Совета по глобальной экономической координации (СГЭК), предполагающее равное представительство развитых и развивающихся стран. В его полномочия должно входить управление экономическими процессами, требующими «глобальных действий». В рамках совета должна быть учреждена международная комиссия экспертов для оценки и мониторинга как краткосрочных, так и долгосрочных системных рисков, угрожающих глобальной экономике, для разработки критериев их определения и рекомендаций по «раннему предупреждению» кризисов (работа на опережение) и устранению недостатков существующей системы. Важнейшим принципом его работы должно стать применение глобального и скоординированного подхода к совершенствованию регулирования и надзора на всех уровнях [Стиглиц, 2012].

В то же время нельзя не учитывать и то, что отсутствие заметного прогресса в создании новых механизмов международного регулирования является результатом серьезных разногласий в идеологической и политической сферах. В силу этого не стоит в обозримом будущем ожидать кардинальных изменений международного воздействия на глобальную экономику, требующего консенсуса ведущих «игроков». Отсутствие такого консенсуса приводит лишь к совершенствованию организационно-управленческих подходов и частичной трансформации международных механизмов регулирования, а не к их фундаментальным изменениям. Сегодня перед экономистами и политиками стоит сложнейшая задача нахождения дополнительных и эффективных инструментов глобального регулирования, которые позволили бы избежать еще более масштабных кризисов мировой экономики. Для выхода на качественно новый уровень международного управления глобальными экономическими процессами, создания его идеологической и практической платформы еще потребуются огромные интеллектуальные, исследовательские и политические усилия.

Список литературы

1. *Андропова Н. Э.* Воздействие финансовой глобализации на трансформацию мировой финансовой архитектуры и проблемы участия России в этих процессах // Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.э.н. — М.: МГУ, 2014.
2. *Афонцев С.* Глобальный кризис и регулирование мировых финансов // Международные процессы. — Т. 7. — № 1 (19). — 2009. — Январь-апрель.
3. *Афонцев С.* Политические рынки и экономическая политика. — М.: КомКнига, 2010.
4. *Григорьев Л. М., Курдин А. А.* Механизмы глобального регулирования: экономический анализ // Вопросы экономики. — 2013. — № 7.
5. *Крылов И. С.* Сравнительный анализ основных механизмов регулирования глобальных экономических процессов // Сравнительная политика. — 20123. — № 3/9.
6. *Стиглиц Дж.* Доклад о реформе международной валютно-финансовой системы: уроки глобального кризиса. — М.: Международные отношения, 2012.
7. *Стрендж С.* Политическая экономия и международные отношения // Теория международных отношений на рубеже столетий / Под ред. К. Бус и С. Смит. — М., 2002.
8. Годовой отчет МВФ-2014. URL: <http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/ar/2014k> (last accessed data: 04.02.2015).
9. *Gilpin R.* APEC in a New International Order// The National Bureau of Asian Research (NBR) Analysis. — Washington, 1995. Vol. 6. № 5; *Gilpin R.* Global Political Economy: understanding the International Economic Order. — New Jersey: Princeton University Press, 2001.
10. *Kindleberger C.* The World in depression, 1929–1939. — London, 1973.
11. *Krasner S.* Globalization, Power, and Authority// Presentation at the American Political Science Association Annual Meeting. — San Francisco, 2001. Aug. 29 — Sept. 2.
12. *Keohane R., Nye S.* Governance in a Globalizing World // Visions of Governance for the 21st Century/ *Nye J.* and *Donahue S.* (Eds.). — Cambridge: Ma., 2000.
13. *Rosenau J.* Governance in the Twenty-First Century // Palgrave Advances in Global Governance / *J. Whitman* (ed.). — Basingstoke; Palgrave Macmillan, 2009.
14. URL: <http://www.gazeta.ru./business/2015/02/04/6399833.shtml/> (last accessed data: 05.02.2015).